

† Кн. Г. Н. Трубецкой.

6 января (24 декабря) скончался князь Григорій Николаевичъ Трубецкой. Вся русская колонія Парижа, безъ различія направлений, объединилась вокругъ его гроба въ безмолвной скорби. Наше Движеніе потеряло въ немъ вѣрнаго друга и покровителя, бывшаго членомъ Совѣта Движенія, участникомъ нашихъ съѣздовъ, гостемъ кружковъ и праздничныхъ собраний молодежи, согрѣвавшего ихъ исходившими отъ него лучами ясной и тихой мудрости.

Князь Григорій Николаевичъ былъ сыномъ замѣчательной семьи, сохранившей лучшіе завѣты старой Россіи — то, что было въ ней чистаго, свободнаго, христіанскаго. Двое старшихъ братьевъ его, Сергѣй и Евгѣній Николаевичи были крупными религіозными философами, изъ школы Влад. Соловьева, блестящими писателями и общественными дѣятелями. Въ воспоминаніяхъ Евгѣнія Николаевича прекрасно передана та атмосфера высокаго идеализма и философскихъ исканій, въ которой протекала юность братьевъ Трубецкихъ. Григорій Николаевичъ (род. 27 сентября 1874 г.) не былъ писателемъ, но достойно служилъ Россіи на дипломатическомъ поприщѣ. Окончивъ Московскій университетъ, онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и служилъ атташе и секретаремъ въ посольствахъ Вѣны, Берлина и Константинополя.

Война застала его посланникомъ въ Бѣлградѣ. Его перу принадлежитъ одинъ изъ историческихъ актовъ Великой войны — воззваніе вел. кн. Николая Николаевича къ полякамъ, съ обѣщаніемъ автономіи польскому народу. Когда перемѣна военнаго счастья заставила сербскую армію эвакуироваться черезъ Черногорію на о. Корфу, Григорій Николаевичъ былъ съ нею. Его жена, кн. Марія Константи-

новна была завѣдующей Краснаго Креста. Князь и княгиня раздѣлили страданія братскаго народа.

Во время войны гражданской Григорій Николаевичъ завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ при ставкѣ Главнокомандующаго. Но съ этого времени его церковное служеніе уже первенствовало надъ государственнымъ.

Вмѣстѣ съ братомъ Евгѣніемъ онъ былъ членомъ Московскаго Собора 1917-1918 года. Григорій Николаевичъ близко стоялъ къ почившему патріарху и унесъ съ собою въ изгнаніе его завѣты. Чуждый всякому фанатизму и политиканству, онъ всегда стремился въ своей церковной дѣятельности къ миру и единенію, но на основѣ церковной правды. Болѣя душой за Церковь, онъ остерегался страстью, горячностью беречь Ея раны.

Для всѣхъ насъ, имѣвшихъ счастье знать его, онъ былъ учителемъ терпимости—христіанской—и православною свободѣ. Только къ гонителямъ Церкви и ихъ наемникамъ — «обновленцамъ» — онъ относился съ непримиримой строгостью.

Стойкій, совѣстливый, справедливый — онъ воплощалъ въ себѣ тѣ добродѣтели старой Россіи, которыя, кажется, уходятъ изъ нашей жизни. Съ ними онъ умѣлъ соединить рѣдкую скромность, тотъ христіанскій и національный даръ Трубецкихъ, о которомъ «виѣшніе», не подозревая его источника, не знали, какъ сказать: истинный аристократизмъ или демократизмъ. Патріархъ русскаго православнаго Парижа, князь Григорій Николаевичъ всегда любилъ держаться въ тѣни, избѣгалъ общественныхъ выступленій, рѣдко полемизировалъ, былъ простымъ среди простыхъ, среди юношей — не учителемъ, а другомъ.

Безконечно больно думать, что онъ ушелъ отъ насъ, что никогда въ нашъ кругъ не войдетъ его свѣтлое, мудрое ли-

цо, не раздастся тихій голосъ...

Да будетъ легокъ и свѣтелъ его небесный путь.

Г. Ф.

О планомѣрномъ добрѣ.

Благотворительность обычно связываютъ съ личной добродѣтелью отдѣльнаго человѣка. Помощь ближнему понимаютъ, какъ личный актъ состраданія. Мотивомъ благотворительности считаютъ любовь.

Вѣрно ли это?

Вопросъ этотъ совершенно не касается нищелюбія и личнаго подвига служенія ближнимъ. Заповѣди Спасителя абсолютны и непреложны; онѣ обращены къ каждому человѣку и каждому говорятъ о томъ же—всегда и вездѣ. И личное добро всегда остается тѣмъ же.

Но можно ли сводить къ нему всѣ остальные формы жизни? И нѣтъ ли рядомъ съ нимъ иныхъ задачъ, не связанныхъ непосредственно съ любовью и все-таки религиозно освященныхъ и церковно необходимыхъ?

Участіе въ богослуженіи, конечно, свидѣтельствуетъ о любви къ Богу, о ревности къ храму. Но когда пѣвецъ, поющій въ хорѣ, беретъ ту или иную ноту, замѣняетъ своего сосѣда, исправляетъ ошибки—свои или всего хора—то эти отдѣльныя дѣйствія никакъ не могутъ быть непосредственно связаны ни съ любовью, ни съ благочестіемъ. Это—техника дѣла, правильное выполнение своихъ обязанностей, нахождение своего мѣста въ общемъ дѣлѣ.

Совершенно то же происходитъ и въ социальной жизни. Общество, въ которомъ мы живемъ, тотъ же хоръ. Пѣсня его полна ошибокъ и диссонансовъ; и виновниками ихъ являемся всѣ мы: какъ каждый въ отдѣльности, такъ и всѣ вмѣстѣ. Поэтому

и отвѣтственность падаетъ также на всѣхъ. Не только за личное стараніе и искусство, но и за успѣхъ всего дѣла, за сложность хора, за его органичность (благодаря которой то, что опускается одними органами, восполняется другими). Этотъ послѣдній видъ отвѣтственности и является нашимъ социальнымъ долгомъ, не связаннымъ непосредственно съ нашими чувствами и настроеніями: ибо это есть долгъ, а не заповѣдь добра; логическая предпосылка общежитія, а не проповѣдь идеала; техника жизни, а не ея смыслъ и идея. Иначе говоря: подвигъ социального служенія не является нашей заслугой, насъ никто за него благодарить не станетъ; мы здѣсь не «благодѣтели», не «благотворители», а просто исполнители своего долга—совершенно такъ же, какъ мы платимъ налоги, отбываемъ государственныя повинности и т. п.

Но можно ли такого рода дѣятельность разсматривать, какъ религиозно оправданную и церковно освященную? Не является ли она стихіей міра сего, языческимъ, натуральнымъ добромъ?

Отвѣты на эти вопросы явствуютъ изъ того, что Церковь пріемлетъ и благословляетъ всю жизнь: культуру, государство, общество. А слѣдовательно, дѣятельность, напр., чиновника, (какъ части государственнаго аппарата), хотя и не является христіанскимъ подвигомъ, тѣмъ не менѣе освящена и оправдана. Не передъ вѣчностью, ибо на Страшномъ Судѣ его спросятъ только объ одномъ: о томъ, что сдѣлалъ онъ со своимъ сердцемъ; но пе-